

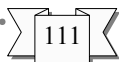
МВД Украины
Харьковский национальный университет внутренних дел

КРИМИНОЛОГИЯ

тексты XIX – начала XX вв.
(история социологии преступности)

Том 1
УГОЛОВНО-СТАТИСТИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

Харьков
2009



УДК 343.97(082):311.21
ББК 67.9(0)61я7
К 82

*Рекомендовано к печати
редакционно-издательским советом
Харьковского национального
университета внутренних дел
24.02.2006 г., протокол № 1*

Рецензенты: д-р юрид. наук, проф. **Б. Г. Розовский** (Луганская академия внутренних дел); д-р социол. наук, проф. **А. В. Соболев** (Харьковский национальный университет внутренних дел).

К 82 Криминология. Тексты XIX – начала XX вв. (история социологии преступности) : хрестоматия для студентов юридич. и социол. спец-стей вузов : в 4 т. / сост. и предисл. д-ра социол. наук, проф. И. П. Рущенко. – Т. 1 : Уголовно-статистические исследования / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. А. М. Бандурки. – Х. : Харьк. нац. ун-т внутр. дел, 2009. – 432 с. – (Классики криминологии и социологии преступности).

ISBN 978-966-610-143-2

В первом томе хрестоматии представлены труды выдающихся исследователей уголовной статистики. Наряду с текстами западноевропейских и американского ученых читатель найдет в этом томе и незаслуженно забытые имена исследователей Российской империи, чьи произведения не утратили своего научного и познавательного значения и поныне. Хрестоматия может быть использована при изучении курсов «Криминология», «Социология», «Правовая статистика», а также соответствующих спецкурсов.

Для студентов и курсантов юридических и социологических специальностей вузов, магистров, аспирантов, преподавателей, а также всех интересующихся историей уголовной юстиции, полиции и преступности.

УДК 343.97(082):311.21
ББК 67.9(0)61я7

ISBN 978-966-610-143-2

© Харьковский национальный университет внутренних дел, 2009
© Сост., предисл., сведения об авторах
И. П. Рущенко, 2009
© Дизайн обложки С. Н. Гук, А. С. Тяпкин, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	5
<i>Кетле Ламберт Адольф Жак</i>	27
Действия человека подлежат ли законам?	27
Социальная система и законы, ею управляющие	32
<i>Герри Андре-Мишель</i>	49
История приложения чисел к наукам нравственным	49
<i>Дробинш Мориц Вильгельм</i>	55
Нравственная статистика	55
<i>Анучин Евгений Николаевич</i>	68
Исследование о проценте сосланных в Сибирь в период 1827–1846 гг.	68
<i>Михневич Владимир Осипович</i>	113
Язвы Петербурга: Опыт историко-статистического исследования нравственности столичного населения	113
<i>Фойницкий Иван Яковлевич</i>	219
Системы размещения цифровых данных в таблицах уголовной статистики	221
<i>Лист Франц фон</i>	243
Преступление как социально патологическое явление	244

<i>Тард Габриэль де</i>	259
Сравнительная преступность	260
<i>Майо-Смит Ричмонд</i>	286
Статистика и социология	286
<i>Пионтковский Андрей Антонович</i>	309
Роль алкоголизма в этиологии преступлений	309
<i>Тарновский Е. Н.</i>	326
Распределение преступности по профессиям	327
Война и движение преступности в 1911–1916 гг.	363
<i>Гернет Михаил Николаевич</i>	381
Моральная статистика (уголовная статистика и статистика самоубийств)	383



Предлагаемая вниманию читателей книга относится к жанру хрестоматий или сборников текстов. Она не является ни репринтом уже забытых работ, ни их академическим изданием. Сборник создавался с одной единственной целью – дать современному читателю ясное представление о содержании, идеях, манере написания первых криминологических работ не в пересказах современных авторов или историков науки, а путем чтения первоисточников.

Интерес к истории криминологии не случаен. Современное поколение криминологов, работающих на так называемом постсоветском пространстве, оказалось в положении человека, который внезапно обернулся – и с изумлением заметил позади себя пропасть. Возможно, этого чувства не испытывал ученый 60-х или 70-х гг., уверенный, что наивысшим достижением человечества является «советская криминология», истоки которой следует искать не у Кетле или Ферри, а в бессмертных работах классиков марксизма-ленинизма. Но ситуация изменилась, и мы с удивлением и разочарованием начали осознавать – несколько книжных полочек с томами марксистских авторов уже недостаточно для уровня современного образованного специалиста. За семьдесят – восемьдесят лет были утрачены целые пласты литературы, научной мысли, которые информационно «не дошли» к нашему читателю и широкой научной общественности. В этот период была прервана практика переводов и печатания классиков криминологии и социологии, что и дало нам право пользоваться метафорой «пропасти». Кроме того, напомним молодым читателям: сами понятия «криминология» и «социология» с конца 20-х и до середины 50-х гг. были преданы анафеме, и если употреблялись, то с добавлением определения «буржуазная», что тогда означало «идейно враждебное» (фактически запрещенное для распространения) течение.

Формальная реабилитация социологии и криминологии в 60-е гг. практически не изменила информационную политику в этих сферах и практику книгопечатания. И в результате, к 90-м годам мы подошли «с мизерным балансом»: дореволюционные фонды в библиотеках, отделы редкой книги, где хранятся единичные и часто чудом уцелевшие экземпляры, являлись малодоступными для массового читателя; в большинстве случаев о «пионерах» социологии и криминологии приходилось судить «из вторых рук», а по страницам современной литературы легко кочевали расхожие стереотипы и оценочные суждения, проверить или опровергнуть которые можно было, только опираясь на первоисточники. На рубеже 1990-х и 2000-х гг. книгоиздатели, наконец, обратились к «забытым» памятникам криминологической литературы, используя дореволюцион-

ные издания как базу для репринта. Этого нельзя не приветствовать, «пропасть», таким образом, шаг за шагом сокращается, но тут же родилась и другая проблема – весьма высокая стоимость современной научной книги, ориентация на рынок и забвение научных и массовых библиотек, что делает жанр хрестоматий (сборников текстов) особенно актуальным.

Для настоящего издания избрана, на первый взгляд, достаточно узкая тематика – уголовная статистика, или точнее «уголовно-статистические исследования». Этот выбор – не случаен: с одной стороны, он ограничил отбор первоисточников, оставляя возможность продолжить издательскую серию по другим рубрикам, а, с другой – именно с уголовной статистики, на наш взгляд, начиналась история криминологии как подлинно научного знания. Уголовная статистика XIX и начала XX веков – это нечто большее, нежели числовые обзоры состояния преступности в различных странах. Это был интеллектуальный прорыв, своего рода трамплин, оттолкнувшись от которого начала свой забег современная криминология.

Для лучшего понимания темы следует представить себе атмосферу XIX века, где понятия прогресса и науки были и синонимами, и надеждами на будущее, и своего рода «священными коровами» вне критики. Население Европы и Америки начинало пользоваться плодами научно-технического прогресса: математика, механика, физика и химия доказывали свою силу, воплощенную в передовые технологии, фабричные машины, средства транспорта и связи, предметы повседневного быта. Социальные и гуманитарные дисциплины явно отставали и были в долгу перед «человечеством», они все еще не преодолели этап умозрительных доктрин. Хотя философско-юридические идеи естественного равенства, социальной справедливости, национально-государственного устройства уже не только будоражили головы мыслителей, но и воплотились в первых революциях и конституциях новой эпохи (Нидерланды, Англия, США, Франция), общественность ждала рекомендаций и социальных прогнозов, носящих точный, аналитический характер, приближенный к выводам естественных наук. Но для этого нужна была настоящая революция в социальных науках, точнее – создание их на новой методологической базе.

Параллельно (и в обстановке конкурентной борьбы) два европейских ученых – Конт и Кетле – взялись за перестройку теоретических основ социальных наук. Француз Огюст Конт (1798–1857) предложил проект социологии как позитивной науки, основанной на методах наблюдения, индукции, эмпирической верификации выводов. Это должно было поставить социологию в ряд с естественными науками, но проект «застрjal» на декларации общих принципов и идей, так что Конта можно считать, скорее, основателем теоретической социологии. Одновременно бельгиец

Ламбер Адольф Жак Кетле (1796–1874), профессор, академик Брюссельской академии наук, предложил проект «социальной физики». Как представитель точных и естественных наук (Кетле занимался математикой, астрономией, статистикой) он поставил новую научную задачу – научиться выражать социальные явления и процессы в числовой форме и наблюдать за их пространственно-временными формами, используя математические методы анализа.

Идея Кетле отличалась новизной и новаторством. Правда, и несколько ранее можно было найти у великих математиков (Якоб Бернулли, Пьер-Симон Лаплас) подобные мотивы, но для масштабного воплощения проекта им не хватало очень важного элемента – социальных статистик. Переход к индустриальному обществу, новые масштабы экономической деятельности и бюрократизация государственного управления в передовых странах того времени (бесспорными лидерами были Франция и Англия) породили потребность иметь надежную статистику. Речь шла о разных видах статистик – народонаселения, экономической деятельности, медицинской, уголовной и др. – которые рассматривались как наиболее важные для правильного функционирования государства и работы бюрократических структур. Принципы статистического учета едины независимо от вида статистик, но в каждом отдельном случае предстояла огромная творческая, подготовительная, организационная работа и требовалось специальное финансирование, прежде чем в стране потекут информационные ручейки, впадающие в общий мощный поток государственной статистики. Дело было новым, весьма затратным, трудоемким и продвигалось оно не быстро.

В небольшой по объему работе, фрагменты которой помещены в настоящем сборнике, Андре-Мишель Герри коротко излагает историю этого тернистого пути во Франции, различных перипетий на пути становления уголовной статистики. Многочисленные дебаты, инициативы, движения вперед и откаты назад на фоне Великой Французской революции, правления Наполеона и Реставрации завершились настоящим прорывом – публикацией в 1827 г. первого в истории Франции (и человечества) общенационального свода уголовной статистики. Он давал цифры судебной статистики за 1826 г. и назывался «*Compte general de l'administration de la justice criminelle*». Такие события не только долго готовятся, но и соответствующие решения принимаются на высшем политическом уровне. Автор пишет о финальной части борьбы за статистический проект следующим образом: «По счастливому стечению обстоятельств министр, имя которого стояло во главе этого обширного предприятия, был настолько просвещенным, что понимал всю его важность и обладал достаточной энергией, дабы довести его до конца». До-

бавим, что автор из скромности умалчивает следующее: именно он в это время и был «просвещенным» министром юстиции Франции, и возглавлял «предприятие». Со временем уголовную статистику стали помещать как раздел в более широкую область, названную Герри «моральной статистикой». Он опубликовал две работы по моральной статистике, сравнивая показатели Франции и Англии. А пример Франции постепенно подхватывали и другие европейские страны, и уже к концу столетия уголовная статистика в виде отчетов деятельности судов за предыдущий год велась повсеместно.

Но вернемся к Кетле, имя которого стоит особняком, поскольку он фактически был основателем современной криминологии (социологии преступности). Итак, в распоряжении Кетле была уже статистика рождаемости и смертности, самоубийств, а также уголовная статистика, данные которой после 1827 г. накапливались регулярно от года к году. Он начинает экспериментировать с числовыми показателями, подвергать их вторичной математической обработке и интерпретировать, и убеждается в следующем: перед ним не случайные наборы чисел или совпадения, а некоторые закономерности. Кетле устанавливает или, лучше сказать, открывает общий закон преступности. Суть закона в том, что для каждого конкретного социума – будь-то общество в целом или регион страны – существует свой более или менее постоянный уровень преступности. Таким образом, впервые научно была доказана естественная природа преступности как неотъемлемого элемента общественной жизни. Отсюда можно легко и практически безошибочно предугадывать состояние преступности на следующий год. «Печальное положение человеческого рода! – восклицает Кетле. – Можно заранее вычислить, сколько индивидуумов замарают руки в крови своих близких, сколько явится делателей фальшивых бумаг, сколько отравителей и проч., почти так же, как можно вычислить количество будущих рождений и смертных случаев». Итак, открыт еще один «железный» социальный закон: именно так в XIX веке называли подобные объективные и неумолимые по сути общественные явления или тенденции.

Сформулировать суть основного закона преступности, опираясь на статистику, было не сложно, а вот объяснить его – оказалось делом не из числа простых задач. Не понятно было одно: почему в конце года статистика указывает на определенное число, если в его основе лежат непредсказуемые и несвязанные между собой единичные события. Сам Кетле свое удивление вкладывает в следующую фразу: «Нравственные явления отличаются от явлений чисто физических, главнейшим образом, участием свободной воли человека. Присоединяя свою деятельность к причинам, преобладающим в социальной системе, этот каприз-

ный и произвольный элемент должен, как кажется, уничтожить навеки всю нашу предусмотрительность». Но, тем не менее, статистика упрямо подтверждала постоянство уровней преступности (по крайней мере, так было в первой половине XIX ст., а в дальнейшем уровень преступности в европейских странах начал из года в год постепенно расти). И Кетле находит оригинальное решение задачи. Свободу воли он объявляет причиной случайной, а как математик он хорошо понимал, что преступность подчиняется закону нормального распределения, где случайные факторы и возмущения взаимно уничтожают друг друга.

Для наблюдения за преступностью весьма важным является само количество наблюдаемых единиц. Кетле еще не в состоянии был оперировать формулами репрезентативных выборок, но интуитивно правильно установил общее правило: чем большее число наблюдений, тем меньше сумма зависит от «свободной воли», и тогда социальное явление можно приравнять к физическому факту: «нравственные явления, при наблюдении над массами, должны входить, так сказать, в разряд явлений физических, и мы должны будем принять за основной принцип при исследованиях этого рода, – что чем больше число наблюдаемых индивидуумов, тем более сглаживаются их индивидуальные особенности, как физические, так и нравственные, и тем рельефнее обозначается ряд тех общих фактов, в силу которых общество существует и поддерживает свое существование».

Но если нравственный выбор объявлен случайной величиной, то от чего зависит уровень преступности? Кетле был убежденным детерминистом, верившим, что миром управляют законы. Детерминизм, в частности, означал утверждение: каждому явлению или состоянию вещей соответствуют свои причины. Бельгийский ученый предполагал, что все причины преступности внутренне присущи обществу: «Общество включает в себе зародыши всех имеющих совершиться преступлений, потому что в нем заключаются условия, способствующие их развитию. Оно, так сказать, подготавливает преступления, а преступник только орудие». Отсюда важный вывод: уровень преступлений поддается коррекции, но при условии воздействия на социальные факторы, связанные причинно-следственными отношениями с преступностью. Это был, несомненно, важный теоретический вывод, открывающий новый путь борьбы с преступностью, лежащий не в области криминальной репрессии, а в контексте социальной политики государства.

Но внешние факторы преступности, даже такие существенные для первой половины XIX в., как пауперизм или бродяжничество, были еще недостаточны для теоретического объяснения самой преступности, ибо тут «замешана» личность человека. И Кетле делает следующий шаг, ко-

торый может показаться сегодня спорным. Он вводит понятие «склонность к преступлению». Из текста его книг следует, что склонность к преступлению – это одно из качеств «среднестатистического человека». Кетле не углубляется достаточно в содержание этого термина, но можно предположить, что он рассматривал и гипотезу неких прирожденных психофизиологических свойств, и приобретенных (воспитанных) качеств. По крайней мере, мы видим, что основоположник криминологии живо интересовался данными френологии и краниоскопии, связывающими склонности человека с чертами лица и формой черепа, т.е. биологически, врожденными стигмами. Склонность к преступлению может колебаться относительно различных социальных групп населения. Кетле иллюстрирует этот феномен на основе статистических данных, показывающих значительную разницу криминальной активности мужчин и женщин, а также между возрастными группами.

Конечно, статистика несовершенна, она ставит определенные пределы для количественного исследования явления, и Кетле это хорошо понимал. Во-первых, статистические показатели и судопроизводство непосредственно зависят от того, как закон определяет состав преступления, а в разных странах законодатель по-разному подходит к решению этого вопроса. Во-вторых, Кетле фактически первым обратил внимание на существование латентной преступности и предположил, что между данными официальной статистики и общим объемом преступлений должно существовать постоянное соотношение: «пока правосудие и меры репрессивные идут по одному и тому же пути, – что может иметь место не иначе, как в одном и том же государстве, – то между тремя следующими категориями устанавливаются постоянные отношения, именно: 1) между преступлениями совершенными; 2) между преступлениями совершенными и открытыми; и 3) между преступлениями совершенными, открытыми и преследуемыми судебным порядком». Весьма плодотворная мысль и для современных криминологов! Остается найти экспериментальный метод, позволяющий хотя бы один единственный раз замерить соответствующие величины и вычислить коэффициенты для пересчета «невидимой» части преступности на основании «видимой», и тайна «темного числа» преступности будет раскрыта.

Работы Кетле давно уже «растасшили» на цитаты, которые часто фигурируют в современной криминологической и социологической литературе. Действительно, основоположник имел не только глубокие мысли и оперировал точными наблюдениями, но и умел облечь их в простую, ясную и даже образную форму. В сборнике читатель найдет практически все, что Кетле писал о преступности, и что было издано в дореволюционный период. Также включены некоторые главы книг,

дающие представление о методологии его подхода, что немаловажно для понимания сущности криминологических выводов. Надеемся, читатель по достоинству оценит стиль, идеи и логику основоположника криминологии.

Итак, первый период криминологии как «точной» науки был временем определенной эйфории, когда статистика открыла широкие горизонты для ученого-обществоведа, и, наконец-то, стало возможным пользоваться не умозрительным, а аналитическим методом. Это состояние и желание как можно шире и полнее воспользоваться «числовым методом» прослеживается в работе М. Дробиша, посвященной нравственной статистике (в сборнике помещен фрагмент, касающийся преступности). Автор, в частности, занялся подсчетом вероятности предстать перед уголовным судом или быть осужденным мужчинами и женщинами Франции. Оказалось, что в действительности речь идет о крайне малых величинах. Так, вероятность для 60-летней женщины в течение года умереть является в 379 раз более высокой, чем быть обвиненной в совершении преступления. Дробиш пишет, что речь идет о высокой степени «невероятности» совершения преступлений обычными гражданами. Это наталкивает его на ряд интересных мыслей. Во-первых, он ставит под сомнение, что в каждом человеке имеется некая естественная склонность к преступлению, как об этом говорит Кетле. Дробиш предлагает пользоваться не термином «склонность», а понятием «степень противозаконности населения». Во-вторых, он высказывает предположение, что преступность концентрируется в определенных слоях населения, по отношению к которым и имеет смысл вести статистические расчеты. По всей видимости, различные группы в неодинаковой мере подвержены тому, что можно определить, по терминологии автора, как «соблазн» к преступлению или «совращение». Таким образом, Дробиш в большей степени, нежели Кетле, ответственность за преступность относит к внешним, социальным факторам и условиям.

В сборник помещены работы нескольких российских статистиков и представителей науки уголовного права, которые, на наш взгляд, заслуживают пристального внимания. Старейшим автором, своего рода предтечей российской уголовной статистики по праву можно считать Е.Н. Анучина. Он не специализировался на уголовной статистике как таковой, но его перу принадлежит уникальный труд «Исследование о проценте сосланных в Сибирь в период 1827–1846 гг. (материалы для уголовной статистики России)», который был увенчан Константиновской медалью – высшей ученой наградой Императорского русского географического общества. Молодой статистик благодаря разрешению губернатора Тобольска, которое он весьма ценил, был допущен к архиву так назы-

ваемого Тобольского приказа, где хранились данные на ссыльных каторжан. Ему предстояла огромная работа по вторичной обработке многих тысяч документов, составленных чиновниками на осужденных, проходивших регистрацию в приказе. И это не была правительственная программа или государственный проект, Анучиным двигало, по всей видимости, профессиональное любопытство, ощущение новизны и важности предстоящей работы, план которой ему предстояло начертать самому.

Фактически работа не имела аналогов, уголовная статистика в России в 1850–1860-е гг. систематически еще не велась, не было ясной методологии или методических рекомендаций по обработке первичных данных. Но талант, молодость, энергия и европейская образованность победили: автор сумел «выжать» из архивов все, что они могли вообще раскрыть исследователю. Возможно, и сегодня не удалось бы на той, в общем-то, скудной информационной базе создать более содержательный труд, чем это сумел сделать Анучин. Автор далеко выходит за привычные сегодня рамки статистики: вначале он выступает как историк ссылки, приводит юридические документы, царские грамоты, раскрывает причины обращения осужденных в каторжан, а после размещения в тексте таблиц и цифрового материала – предпринимает социологический анализ, дает объяснение сухим числам, и в ряде мест весьма глубокое и удачное!

В работе Анучина, чье имя сегодня явно несправедливо находится в полузабытии, читатель найдет немало интересных мест и суждений, которые мы оставили в неприкосновенности, сократив значительную массу цифрового материала. Интересно предварительно подчеркнуть лишь один момент, который говорит о силе статистики как твердой основы для умозаключений и теорий. В XIX в. широко была распространена теория о преступности низших классов. Согласно этому подходу, которого придерживались многие видные криминалисты, преступность была классовым явлением. В высших слоях преступление – это редкая аномалия, а в низших – распространенный способ выживания и результат неграмотности, моральной развращенности, отсутствия позитивного примера и т. п. Это суждение имело много источников: классовые предубеждения, неумение оперировать коэффициентами преступности (в абсолютном отношении высшие классы всегда составляют незначительную часть общества), наконец, отсутствие во многих статистических сводах учета по классовому или сословному признакам.

Анучин располагал необходимыми первичными данными и пользовался ими так, как в последствии учили классики социологии – без предвзятости, руководствуясь объективными данными, а не оценками или симпатиями. В результате он приходит к выводу, что криминальная активность

дворян ничуть не меньше, чем других сословий, особенно по некоторым специфическим преступлениям. «Привилегированное положение дворянина среди других сословий – пишет российский исследователь – и высший уровень образования должны бы, казалось, в значительной мере содействовать уменьшению этой вероятности. Между тем, приведенные нами цифры показывают совершенно противное. Они показывают именно, что для дворянина вероятность быть сосланным в Сибирь за тяжкое преступление значительно выше, чем для многих других сословий. Правда, что процент для дворянства значительно увеличивается собственно из-за двух преступлений: от подделки документов и от сопротивления власти, процент которых в этом сословии наивысший. Но мы показали выше, что даже по общему проценту для таких преступлений, как смертоубийство, грабеж и поджог, дворяне не уступают мещанам и значительно превосходят крестьян, а в особенности духовенство и купечество».

Итак, заблуждение развенчано. Но Анучин на этом не останавливается и пытается объяснить причину криминальной активности дворянства. В частности, он формулирует весьма интересную причину: несоответствие потребностей этого сословия с его средствами, и далее подробно разбирает экономическое положение мелкопоместных дворян, которое не соответствует запросам и стандартам образа жизни высшего класса. Одновременно запросы купечества и крестьян все еще остаются весьма ограниченными, то есть традиционными. Этим Анучин, например, объясняет огромную разницу в вероятности совершения преступления дворянина и купца, которая соотносится как 4 : 1. Такое объяснение, на наш взгляд, является не только достаточно глубоким с социологической точки зрения, но оно фактически опередило на сто лет известную теорию структурного напряжения Роберта Мертон, указывавшего таким образом источник преступности в Америке. Суть взглядов классика американской социологии заключается в констатации несоответствия уровня претензий значительных масс населения, принадлежащих к обществу массового потребления, возможностям их удовлетворить законным способом. Теория Мертон создавалась специально для Америки, поскольку в традиционном обществе подобное напряжение не играет существенной роли из-за привычки народных масс к однообразной жизни, существования стандартов, рассчитанных на возможность их удовлетворения в рамках примитивной экономики. Именно так жила основная масса российского населения, крестьяне, даже зарождавшееся купечество, которое составляли в большинстве своем выходцы из деревни. Но дворянство тяготело к иному образу жизни, тон которому все больше задавали заграничные соблазны. Следовательно, с точки зрения теории Мертон можно говорить о структурном напряжении как специфическом источнике преступности дворянства.

Несколько особняком стоит работа В. О. Михневича «Язвы Петербурга», жанр которой весьма трудно определить. Сам Михневич был литератором, журналистом, его стиль в чем-то напоминает стиль Гиляровского, однако он тяготеет к более точному, аналитическому описанию действительности. Именно последнее – привлечение уголовной статистики – позволило нам включить главу «Преступность» в наш сборник. Метод Михневича заключается в том, чтобы начать со статистики, убедить читателя в объективности своего подхода к существующим проблемам, а затем перейти к описанию конкретных случаев и примеров, характеризующих ту или иную «язву» большого столичного города.

Свое произведение, думается, и сам автор не отнес бы к научным трудам, да и цели научного исследования он не ставил. Но на наш взгляд, его труд можно рассматривать как одну из первых в России криминологических работ. Как литератор Михневич явно тяготел к конкретным случаям и описаниям, однако всегда оставлял место обобщениям и собственным выводам. Если сравнивать «Язвы Петербурга» с несомненно строго научным трудом Анучина, то сразу будет заметна одна деталь: у Анучина мы находим много тысяч цифр, часто уложенных в строгие таблицы, но нет ни одного персонального описания или судьбы каторжанина. У Михневича количественный метод как бы уравновешивается качественным подходом – криминальными сюжетами, почерпнутыми из жизни, уголовными хрониками, репортажами петербургских газет, смаковавших скандальные судебные расследования. С дистанции времени оказывается, что интересно и то, и другое. Во-первых, Михневич одним из первых, возможно, специально не задумываясь об этом, использует и судебную, и полицейскую статистику. Последняя тоже велась в ограниченных масштабах и была скорее для служебного пользования, нежели предназначалась для обнародования. По всей видимости, личные связи автора с полицейскими чинами позволили ему заглянуть в отчеты городской полиции, которые оказались не менее интересными, чем общеимперские «Своды». Во-вторых, Михневич благодаря анализу конкретных уголовных дел составляет некий реестр преступных технологий и уголовных типов своего времени, то есть 70–80 гг. XIX ст. Оказывается, что петербургские «мазурики» и другие уголовные типы весьма близки к типажам современных преступников, в частности, к промыслу карманников, что весьма интересно для современных кримиологов и криминалистов.

Не претендуя на формально-научное изучение социальной действительности, Михневич, тем не менее, использует все возможные источники получения информации. Желание автора быть точным и воссоздать объемную, по возможности более полную картину городской

жизни, приближает «Язвы Петербурга» к социологическим произведениям. Вот основные источники, откуда черпал Михневич информацию о людях и преступности столичного города:

- однодневная перепись населения Петербурга в 1869 г. (первая в истории);
- материалы прессы, в том числе полицейской газеты;
- годовичные отчеты петербургской полиции (за 10 лет);
- официальные цифровые отчеты окружного, мировых и военных судов;
- личные наблюдения.

Справедливости ради следует заметить, что о подобного рода эмпирических по сути исследованиях, будь то социологического или криминологического характера, в России в 80-е гг. XIX в. еще никто и не помышлял.

Книга Михневича является уникальной по замыслу и исполнению. Отсутствие формальной научной строгости несколько не уменьшает ее достоинств, однако автор и не скатывается к сенсационному жанру или беллетристике, которые, возможно, приносят гонорары авторам, но мало дают для составления объективной картины криминогенной ситуации в столицах или крупных городах. В этом отношении труд Михневича является уникальным и бессмертным, поскольку он реалистично и навсегда запечатлел свою эпоху в необычном ракурсе: с точки зрения второго, скрытого и нелегального мира. Сам автор в большинстве случаев описывает то, что сегодня укладывается в определение общеуголовной преступности, но интуитивно он чувствует наличие еще одного латентного пласта преступности, связанного с экономической преступностью и злоупотреблениями в верхах общества. Вот что пишет автор: «Чуткая к справедливости совесть не может, конечно, успокаиваться на дешевых успехах юстиции по пресечению и каранию по всей строгости законов пойманных лишь элементарных воров, грабителей и убийц, в то время когда несравненно более, быть может, преступные, но пока «непойманные» нарушители человеческих прав, хищники и расточители народного благосостояния и заведомые злодеи общества не только остаются безнаказанными, но кичливо фигурируют в «красном углу» в качестве избранной «соли земли»... Но тут же автор сам ограничивает себя тем, что взялся описать те факты, которые отражены в статистике, то есть «приведены в категорическую известность и сосчитаны». Таким образом, мы еще раз убеждаемся в эвристической силе уголовной статистики, которая разбудила интерес к теме преступности и сделала работы более точными, отвечающими духу позитивизма XIX в.

Началом систематического статистического изучения преступности в Российской империи можно считать публикацию в 1873 г. первого «Свода статистических данных по делам уголовным». Этому предшествовало «Высочайшее» утверждение правил судебной отчетности в 1872 г., согласно которому новые судебные учреждения, образованные после судебной реформы 1864 г., должны были направлять в Министерство юстиции специально разработанные статистические листки на осужденных и оправданных, «приговоры о которых обращены к исполнению в отчетном году». С этого момента ежегодно публиковались весьма подробные статистические отчеты, которые становились главной «пищей» для криминологов, и так продолжалось до Первой мировой войны. Российская статистика оказалась наиболее передовой в том смысле, что таблицы составлялись по 15 различным социальным признакам осужденных: 1) пол, 2) возраст, 3) семейное положение, 4) профессия, 5) вероисповедание, 6) образование, 7) законность происхождения (выделялась группа незаконнорожденных), 8) народность (этническое происхождение), 9) место жительства, 10) место рождения, 11) подданство, 12) имущественное положение, 13) алкоголизм, 14) рецидив, 15) сословие. Ни в одной другой стране Европы уголовная статистика не велась с таким широким социологическим уклоном. В некоторых странах вообще ограничивались сведениями распределения осужденных по полу и возрасту. Такое обилие социальной информации стимулировало криминологические работы в направлении поиска социальных факторов преступности.

Однако первые шаги в постановке статистического учета давались нелегко. И. Я. Фойницкий, который со временем станет одним из известнейших криминалистов России, в этой связи взял под критический прицел публикацию первого Свода уголовной статистики. В сборнике приводится его статья «Системы размещения цифровых данных в таблицах уголовной статистики», где вскрываются методические ошибки обработки первичного статистического материала и помещения данных в таблицы. Фойницкий употребляет весьма к месту специфический оборот: «ставить вопросы таблицам». То есть, по мнению автора, исследователь, как и любой гражданин, вправе получить ответы на волнующие его вопросы о состоянии преступности в государстве путем «постановки тех или иных вопросов таблицам». Таблицы должны быть «говорящими» в том смысле, что каждая из них дает четкий и недвусмысленный ответ на определенный вопрос. «Вот коренные вопросы, – пишет Фойницкий, – которые ставит всякий, приступая к уголовно-статистическому материалу данного государства, и которые должны быть разрешены на основании его: 1) каково состояние преступности вообще в данной стране; 2) каково состояние преступности в отдельных ее мест-

ностях, имеющих этнографические, геологические, климатические или бытовые особенности; 3) каково состояние специальных видов преступности в данной стране вообще и в ее отдельных местностях; 4) каковы те условия, которые вызывают преступность во всей стране и в ее отдельных местностях, как общую, так и специальную; и, наконец, 5) как осуществлялась карательная деятельность государства за отчетный период во всей области его и в отдельных местностях».

Какие именно изъяны находит автор и почему он не удовлетворен Сводом (кстати, содержание Сводов менялось и совершенствовалось), мы не будем отдельно комментировать. Но обратим внимание на актуальность как этой статьи, так и других материалов, касающихся истории и организации уголовно-статистического учета, для нашей ситуации. Хотя с конца 1980-х гг. уголовная статистика уже не рассматривается как государственный секрет, и в середине 1990-х гг. Министерство внутренних дел Украины даже предпринимает попытку делать ежегодные отчеты с комментариями и анализом, проблема уголовно-статистического учета остается. Во-первых, позитивные тенденции не получили развития, добротных отчетов, снабженных комментариями специалистов, нет; во-вторых, не существует институционализированной практики распространения отчетов и знакомства с ними общественности; в-третьих, устаревшими выглядят методология первичного наблюдения, показатели форм № 1 и № 2, которые ограничивают возможности серьезного социологического анализа, в-четвертых, тревогу вызывает отсутствие специалистов и культуры уголовно-статистического учета, которые, как показывает дореволюционная практика, складывались не сразу, а на протяжении десятилетий.

В Европе же конца XIX в. уголовная статистика становится информационным поводом для более широких социологических и даже философских раздумий, включающих в контекст такие понятия, как «современное общество» или «цивилизация». Теперь уже не один уважаемый мыслитель, политик или ученый не мог обойтись без данных статистики, если речь шла о преступности. Они служили трамплином для рассуждений и создавали еще одну, так сказать, социально-политическую функцию уголовной статистики. В этом ключе можно рассматривать две работы известнейших в Европе криминалистов (в широком смысле этого слова) – Ф. фон Листа и Г. де Тарда.

В сборник помещен текст выступления Листа, который в тот момент был профессором Берлинского университета, перед научной общественностью Дрездена. Выступление интересно тем, что оно носило научно-популярный характер. Известный специалист в области науки уголовного права в доступной форме освещает некоторые принципиальные вопросы

уголовной политики. Статистика преступлений в Германии используется Листом как эмпирическая база для теоретических выводов. В частности, он находит в движении преступности патологические черты, которые выражаются в росте общей цифры преступлений, увеличении процента рецидива, значительном росте преступности несовершеннолетних. В Европе в конце XIX в. возникает качественно новая криминогенная ситуация. Закон преступности, открытый Кетле, больше не действовал в своей первоначальной формулировке – общая тенденция, несмотря на усиление полицейской функции государств, была к росту абсолютных и относительных показателей. Лист называет это патологией.

Как известно, термином «патология» применительно к общественным явлениям оперировал в ту эпоху выдающийся французский социолог Э. Дюркгейм. Сейчас трудно установить первенство, но идеи и терминология двух выдающихся ученых явно пересекались, правда, Дюркгейм понятию патологии придавал более общий характер, но для аргументации своей теории ссылался именно на пример преступности. Итак, французский социолог пришел к выводу: в общественной жизни необходимо различать нормальные и патологические социальные факты. Преступность – это вечный спутник человечества, то есть «нормальный» социальный факт, ее уровень в каждом конкретном обществе, как свидетельствует статистика, является величиной более или менее постоянной. Но бывают периоды резкого колебания криминальной активности населения, когда факт преступности приобретает черты патологии. Именно о таком состоянии преступности в Германии 90-х гг. XIX в. рассказывал в Дрездене своим слушателям фон Лист, призывая к реформе криминальной политики государства, точнее, он как представитель социологической школы науки уголовного права ставит вопрос о твердой и ясной социальной политике, которая должна оздоровить криминогенную ситуацию путем удовлетворения социально-экономических потребностей, прежде всего, рабочего класса и низших слоев германского общества.

Г. де Тард в своей работе «Сравнительная преступность», одну главу которой мы приводим в сборнике, фактически затрагивает философские вопросы, пытаясь разрешить проблему источников преступности, в частности, ее роста в определенные исторические периоды. Одним из поводов к рассуждениям французского социолога, криминолога и статистика (он возглавлял некоторое время статистическое бюро при Министерстве юстиции Франции) явилась теория итальянского криминолога Полетти. Собственно, итальянский ученый предложил оригинальное, и в чем-то даже парадоксальное объяснение «патологии» преступности. Суть ее заключалась в том, что уровень преступности необходимо соотносить с числом «законных и продуктивных актов». В последнюю четверть XIX в.

существенный рост преступности был связан, прежде всего, с фактами корыстной преступности, что можно объяснить общим экономическим подъемом в европейских странах, который расширяет «поле преступности», создает соответствующие «соблазны» к преступлению. Следовательно, если валовой продукт страны удвоился, а преступность увеличилась на 20 %, то на самом деле речь идет не о кризисе, но даже на лицо некоторое оздоровление морали общества. Другими словами: «для нравственности, как и для безнравственности, и преступности падение должно соизмеряться в точности с возрастанием причин падения».

Подобное объяснение полностью не устраивало Тарда, который придерживался консервативных взглядов и считал, что факт преступления – это факт преступления, который не может быть оправдан таким путем. Он имел свою концепцию преступности и историческое объяснение колебаний ее уровней в европейских странах, которая была частным выводом более общей социологической концепции «подражания». Преступность распространяется в обществе благодаря врожденной склонности и способности людей к подражанию, наследованию различных способов адаптации. Преступность не становится тотальной формой поведения потому, что имеется ее оппозиция в виде морали, законопослушного поведения, правильного воспитания и других культурно-цивилизационных факторов, которые являются также объектами подражания. Преступность, или по Тарду «подражательная зараза», локализуется в определенных слоях общества – «антисоциальной корпорации» (профессиональные преступники), в среде отверженных, а также среди праздных и проигравшихся (авантюристы разных мастей). В обычных условиях существует некоторое равновесие, и «подражательная зараза» не распространяется безудержно в различных слоях общества. Но если наступают необычные условия – революции, войны, смуты – динамическое равновесие нарушается и возникает то, что Дюркгейм называет патологическим состоянием преступности.

Тард явно не согласен с теми, кто отождествлял цивилизацию с социальной революцией или указывал, подобно марксистам, на революцию как источник и двигатель цивилизации. Революции не сопровождаются прогрессом в труде, они знаменуют грубый переход «из ничего» к полной политической власти и наоборот, ведут к быстрому росту городов и рожают «полное видоизменение форм». Социальные границы нарушаются, и наступает благоприятный период для расширения поля преступности. Согласно Тарду, постреволюционные переходные этапы неизбежно должны сопровождаться ростом преступности. Еще раз подчеркнем: Тард был консерватором, революции ему не нравились, хотя это не отменяет значения его теории как одного из способов объяснения

криминогенной ситуации переходных периодов наподобие тех, что мы наблюдали в Украине, России и других постсоветских странах в 90-е гг. Можно сделать следующее дополнение к взглядам Тарда: революции в определенных ситуациях неизбежны, а рост преступности, в частности, можно рассматривать как неизбежную социальную плату за возможность ускорения общественного прогресса.

Работа Р. Майо-Смита «Статистика и социология», откуда в сборник помещена глава, касающаяся преступности, также написана в конце XIX в. Она демонстрирует тот путь, который прошла уголовная статистика на протяжении XIX ст. Американский ученый, используя данные различных национальных статистик, как бы демонстрирует максимальное число возможностей, заложенных в этот метод. Он имел перед собой динамические ряды уровней преступности за несколько десятилетий, и от него не ускользнул и поворотный пункт: рост показателей преступности в конце столетия. Поскольку в этот момент продолжается быстрый рост населения, статистики все больше внимания уделяют относительным показателям, коэффициенту преступности, который рассчитывается относительно 10.000 или 100.000 населения. Но и пересчет уровня преступности в относительных числах не снимал с повестки вопрос о тенденции к росту преступности. Фактически основной закон преступности, открытый Кетле, теперь подлежал корректировке. Существуют краткосрочные и длительные циклы флуктуации преступности. Статистика их, конечно, может отражать, но отнюдь не объяснять. Почему рост цивилизации «толкает вверх» уровень преступности? Этот вопрос, пожалуй, остается спорным и поныне.

Вообще, анализируя уголовно-статистические работы, можно прийти к выводу: к концу столетия эвристический потенциал метода ослабевает. Конечно, наблюдение за движением преступности никогда не потеряет своей актуальности, но на кардинальные открытия вряд ли больше стоило надеяться тем, кто из года в год получал все те же (по форме) статистические таблицы. Многочисленные статистические работы той эпохи методологически повторяли друг друга. Кроме того, все громче раздавались голоса критиков, которые указывали на недостатки уголовно-статистического учета. Как добросовестный исследователь-позитивист, не мог обойти эту тему и Майо-Смит. Во-первых, наиболее, возможно, интересный аспект уголовной статистики – динамические ряды показателей, охватывающие наблюдения многих десятков лет, – ставились под сомнение на том основании, что за полстолетия (или больше) неоднократно менялось уголовное законодательство и принципы уголовной юстиции. Во-вторых, весьма трудно было корректно сравнивать уровни и движение преступности в различных странах по тем же фактически при-

чинам: непреодолимые различия в системах законодательства, регистрации преступности и судопроизводстве. В-третьих, высказывались разнообразные критические замечания по поводу тех показателей, которые включались как объект первичного наблюдения и от которых существенно зависела дальнейшая аналитическая работа.

К концу XIX в. окончательно вырисовалась и тематика криминально-статистических исследований. Большинство криминологов фокусировали свое внимание на двух аспектах: 1) выявление структурных закономерностей преступности и 2) поиск факторов, обуславливающих уровень и тенденции преступности.

Структурные закономерности, прежде всего, касались процентных соотношений между различными видами преступлений. Здесь также наблюдались значительные методические расхождения из-за различий в уголовных законодательствах и квалификации происшествий органами юстиции, что определяло и соответствующие рубрики в национальных статистиках. Правда, можно было сопоставлять уровни преступности по схожим видам преступлений, пользуясь методом группировки. Наиболее широкими кластерами были преступления против собственности, личности и общественного порядка. Типичным примером структурного анализа может служить вывод Дробиша, который на основании статистических данных за 35 лет делает следующий вывод: «в течение 15 лет, с 1826 по 1840 гг., отношение преступлений против собственности к преступлениям против лиц, в среднем, было равно $2,54 : 1$; в течение следующих 15 лет, с 1841 по 1855 гг. – оно равно $2,10 : 1$, а в последствии 5 лет, с 1856 по 1860 гг., оно равно $1,64 : 1$. Если из этих относительных чисел обвиняемых и выходит, что во Франции в течение последних 35 лет произошло значительное относительное увеличение числа преступлений против лиц, что в отношении нравственности составляет дурной признак, то все-таки, в общей сложности, преступления против собственности превышают преступления против лиц более, чем вдвое».

Определенным этапом развития криминологии можно считать выделение структурных закономерностей, связанных не с фактами преступлений, а с преступниками: структурирование социума преступников по половозрастным признакам, учет рецидивистов, профессиональных преступников, лиц, зависимых от алкоголя и т. п. Правда, здесь структурные закономерности уже переходили в плоскость причин (факторов) преступности.

Вторым, и, возможно, с политической стороны более важным направлением был поиск факторов или причин преступности. По аналогии с естествознанием, в криминологии это направление называют «этиологией преступности». Таблицы в сводах национальных статистик, так или иначе, давали материал к этим изысканиям. Правда, здесь все зависело от

количества «посторонних», в том числе социальных показателей, включенных в статистическое наблюдение. Как правило, во всех статистиках фигурировали пол и возраст, но уже профессия, социальное или семейное положение, алкоголизм или рецидив осужденного – далеко не в каждом национальном своде. Двумерные таблицы, включающие распределение частоты совершения различных видов преступления в зависимости от того или иного признака, позволяли делать выводы относительно этиологии преступности.

Майо-Смит, например, опираясь на различные национальные статистики, рассматривает влияние следующих факторов: климата и географического положения, времени года, места проживания (город или деревня), социальных факторов в виде рассы, национальности, вероисповедания, социального положения, профессии, образованности, экономического положения (в частности, фактора голода), войны, индивидуального биологического влияния (пол, возраст), семейного состояния. Еще одним важным методическим приемом, которым пользовались криминологи той эпохи, было сопоставление различных статистик: уголовной и экономической, уголовной и медицинской и т. п. Излюбленным приемом ученых той эпохи было, например, вычерчивание на графике двух кривых, одна из которых показывала движение преступности (по годам), а вторая – цен на хлеб. Фиксировалась вполне очевидная синхронность, и на основе этих наблюдений делался вывод о первостепенной значимости экономического фактора цен на хлеб, фактора голода...

Учитывая важность темы этиологии преступности и интерес к ней в Российской империи в начале XX в., в сборник включены несколько специализированных работ в этой области: фрагмент работы М. Н. Гернета, посвященный экономическому фактору, две статьи Е. Н. Тарновского, где в одной рассматривается связь преступности с профессией, а в другой – влияние фактора войны, и статья А. А. Пионтковского, которую можно считать классической в этом жанре. Последний автор на основе богатого статистического материала многих стран мира доказывает прямую и значительную связь между уровнем преступности и потреблением алкоголя. «Личность, видоизмененная и изуродованная алкоголизмом, – пишет А. А. Пионтковский – подходящий агент для преступной деятельности. Преступная деятельность вполне соответствует ее психическому укладу. Алкоголизм, можно сказать, приготавливает, создает, фабрикует преступников».

Этот вывод становится общим мнением криминологов, политиков и общественных деятелей начала XX в., именно тогда в разных странах мира формируются движения за трезвый образ жизни, и все сильнее звучат голоса за полный запрет производства и продажи алкоголя. И это случилось! Сухой закон был введен не только в воюющей России, но и в

США. Однако пример с алкоголем и последствиями «сухих законов» говорит о большой сложности построения линейных моделей этиологии преступности.

Согласно теории факторов, достаточно убрать основные причины преступности – голод, алкоголизм, решить в основном жилищный вопрос – и уровень преступности упадет в разы.

Однако опыт современной цивилизации не подтверждает гипотезу о прямой зависимости или детерминизме преступности несколькими факторами, которые поддаются управлению. В богатых странах, где люди явно не голодают, имеют достаточно комфортабельные жилища, где преобладает так называемый средний класс, продолжают совершаться преступления, кривая преступности в XX в. отнюдь не упала, что можно было бы предположить с позиций XIX в., если взять во внимание основные социально-экономические показатели новейшей эпохи в сравнении с предыдущей. Сухой закон в Америке, конечно, несколько оздоровил нацию, но затем последовала небывалая вспышка преступности; на почве бутлегерства быстро выросла американская мафия, так что законодатели были вынуждены пойти на попятную и легализовать оборот спиртного.

Загадка преступности так и не была разгадана. Впрочем, это не умаляет достоинства тех работ криминологов, где настойчиво отыскиваются факторы преступности. Наука не терпит пустоты, вот почему каждый фактор, так или иначе, стал предметом исследований. Эти работы продолжаются и в наши дни, но современные криминологи имеют то преимущество, что научились использовать более широкий арсенал методов, выходящий за рамки уголовных статистик.

Весьма актуальной и полезной для возрождения интереса к уголовной статистике и повышения культуры ее ведения является работа М. Н. Гернета «Моральная статистика», изданная в 1922 г. Работа носит историко-методологический характер. Это своего рода энциклопедия, где можно найти исчерпывающие сведения по истории уголовной статистики в европейских странах, описание разновидностей уголовной статистики, обзор успехов ученых-криминологов в поисках факторов преступности и многое другое. Заметим, что это одна из 350 работ Гернета по криминологии, уголовному праву, тюрьмоведению, статистике. Он относится к практически исчезнувшей ныне категории подвижников науки и энциклопедистов, которые еще встречались в XIX в. Достаточно сказать, что в двадцатые годы, когда была издана «Моральная статистика», Гернет уже был полуслепым, а в тридцатые – окончательно потерял зрение, но сумел именно в это время подготовить к печати фундаментальный пятитомный труд «История царской тюрьмы». Он же возглавлял отдел моральной статистики при ЦСУ СССР (1919–1930), то есть вплоть до свертывания гласной уголовно-

статистической работы, и может по праву считаться «отцом» этой науки в Советском Союзе.

В «Моральной статистике» мы находим интересный и поучительный фрагмент о попытке в первые годы советской власти наладить правильный статистический учет преступности. В 1919 г. под руководством Гернета был создан образец опросного листка на обвиняемого, который должны были заполнять чиновники в соответствующих судебных органах. Листок включал широкий спектр вопросов, которые были составлены на основе последних достижений социологической школы науки уголовного права, и должны были способствовать выяснению факторов преступности. Но листок «не пошел», он оказался слишком сложным для первичного заполнения в условиях, когда в первичных инстанциях часто работали полуграмотные люди, да и сказывался такой банальный факт, как нехватка бумаги... Листок пришлось несколько раз перерабатывать, уменьшать число пунктов, и систематические уголовно-статистические наблюдения были начаты только в 1922 г. Листки поступали в отдел моральной статистики, где обрабатывались, и на их основе составлялся анализ движения преступности в РСФСР.

Итак, уголовная статистика XIX – начала XX веков – это нечто большее, нежели обыкновенная статистика и числовая рутина. Она фактически положила начало современной криминологии, на ее основе были сформулированы первые законы и закономерности. Данные уголовной статистики превращались в предмет широких обсуждений и научных дискуссий. Уголовная статистика стала основным научным методом изучения преступности и в этом качестве неопровержимо «господствовала» вплоть до двадцатых – тридцатых годов XX в. Она приблизила криминологию и социологию преступности к статусу точных наук. Одновременно уголовная статистика, как и любая другая социальная статистика, превратилась в общественный институт, вид деятельности и профессию. Были созданы принципы, правила и методики первичного статистического наблюдения, обработки и анализа материала. На этой почве выросла блестящая плеяда уголовных статистиков, посвятивших себя полностью этой деятельности, и достигших профессиональных высот.

Составитель сборника позволил себе определенную «свободу» в обращении с первоисточниками в том смысле, что делал сокращения, выбирал самое ценное, отсекал фрагменты, которые для современного читателя, перегруженного информацией и испытывающего дефицит времени, могли бы показаться обременительными; убирал многочисленные сноски, демонстрирующие научный аппарат XIX в., но сегодня утратившие свою «функциональность» (однако, если сноска в первоисточнике была текстом, то он включался в соответствующее место кни-

ги). Некоторой модернизации подверглось большинство многочисленных таблиц со статистическими данными. Одновременно составитель сборника старался избежать цитатничества, вырванного из контекста первоисточника, а помещал в книгу законченные фрагменты, статьи, главы работ, принадлежащих перу классиков криминологии. В целом составитель и редактор руководствовались принципами достоверности, полноты передачи научного содержания, неискаженности смысла авторских идей и аргументов.

В результате рациональной экономии в один том удалось объединить четырнадцать текстов, которые географически представляют ученых различных стран Европы и США. Поскольку составитель сборника пользовался преимущественно дореволюционными российскими изданиями, переводами с французского, английского и немецкого языков, сделанными более ста лет тому назад, то одновременно приходилось решать еще одну существенную проблему – адаптацию текста, орфографии и пунктуации к современным требованиям русского литературного языка.

Так, к современным нормам приведено написание слов вместе, отдельно или через дефис: например, «каких либо» первоисточника перепечатываем как «каких-либо», «тоже самое» – как «то же самое», «непризнанны преступлениями» – как «не признаны преступлениями» и т. д. Согласно нормам современного русского правописания подаем окончания в падежах, а также написание некоторых суффиксов, приставок и корней («матерьял» – как «материал», «черезчур» – как «чересчур», «мужеский» – как «мужской» и др.). Также приведено в соответствие с современными правилами написание имен собственных и аббревиатур («Герцоговина» – как «Герцеговина», «министерство юстиции» – как «Министерство юстиции», «Р.С.Ф.С.Р.» – как «РСФСР» и т. д.). Как правило, расшифровано большинство сокращений («след.» – «следовательно», «улож.» – «Уложение», «уст. о наказ.» – «Устав о наказаниях» и др.), кроме общепринятых и в наше время. Пунктуация согласована с современной, вследствие чего немало запятых при перепечатке исчезло, зато намного больше стало тире. Наконец, исправлены и замеченные корректурные недосмотры первых издателей текстов, например, «имевшего в руках» – на «имеющегося в руках» и т. п.

В то же время, где это возможно, в процессе переиздания составитель и редактор пытались максимально придерживаться стилистики первоисточников, что нередко заставляло обходить современные нормы русского словоупотребления в пользу передачи атмосферы эпохи в максимально более полном объеме. Так, сохранены выражения «были бы в наличности» (а не «в наличии»), «дозволяющее давать ответы» (а не «позволяющее»), «приём в военную службу», «побег из службы» и

др. Оставлены без исправлений и большинство давно вышедших из употребления слов, передающих понятия, для которых в наше время употребляются родственные, но иные формы, например, «бродяжество» (бродяжничество), «зажигательство» (поджигательство) и т. п., которые свидетельствуют об истории развития терминологического аппарата своего времени. Ближе к этому примыкает и употребление некоторых глаголов вроде «следятся» (в значении «отслеживаются»), «руководились» (в значении «руководствовались») и др., которые также решено оставить без модернизирующих изменений.

Тем не менее, книга вполне доступна широкому кругу читателей, студентам и аспирантам юридических вузов и социологических факультетов, преподавателям и научным работникам, которые интересуются историей криминологии.

Мы сегодня можем с некоторой завистью оценивать опыт, знания и мастерство пионеров криминологии и социологии преступности, осознавая, что даже в эпоху всеобщей компьютеризации постановка дела уголовной статистики зависит не от математических программ и статистических пакетов, а от тех, кто является энтузиастом этого дела, понимает государственное значение правильного ведения статистических учетов и обладает достаточными знаниями и квалификацией для возрождения национальной школы уголовной статистики. В надежде на это и в помощь тем, кто пойдет этим путем, и создавался настоящий сборник.

